*М.А. Петрова**

АНАЛИЗ ОПЫТА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ В СОЦИОЛОГИИ

В статье рассматриваются эмпирические исследования относительно феномена времени. Описывается опыт эмпирического изучения времени в социологии: выявляются методы его изучения, приводятся основные результаты исследований и перспективы дальнейшего рассмотрения этого феномена.

Специфика субъективного, человеческого времени – особая проблема, которая до недавнего времени в отечественной науке эмпирически изучалась преимущественно психологией [1. С. 135]. В то же время сегодня понятно, что целый ряд социологических тем: взаимодействие поколений, специфика социальных изменений, социальное проектирование, социальная дифференциация, стиль и качество жизни и целый ряд других – трудно проанализировать в отрыве от «времени человека», от тех смыслов, которыми люди, главные персонажи на социальной сцене, наделяют время [2. С. 401].

Первые попытки эмпирического социологического анализа субъективного, человеческого времени были сделаны исследователями И.М. Поповой [1], А.А. Давыдовым [3], Б. Дубиним [4,5], К. Муздыбаевым [6] и т.д.

Так, И.М. Попова в статье «Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени» [1] говорит о том, что наиболее удачным способом фиксирования темпоральных образов и ориентаций некоторые исследователи считают биографический метод (life story). Но автор говорит о невозможности использования этого и любого другого качественного метода на больших массивах, считая наиболее подходящим применение различного рода вопросов (закрытых и открытых), обосновывая это тем, что в вопросах либо в вариантах ответов предполагается хронологически определенный период, а границы прошлого, настоящего и будущего в сознании людей определяются значимыми для них событиями. Выводы, к которым пришла Попова в результате исследований, проведенных в 1996 и 1998 гг., были следующими. В оценках прошлого и будущего преобладает роль настоящего. Это объясняется тем, что восприятие времени происходит в человеческой практике, а непосредственный

* © Петрова М.А., 2007

Петрова Мария Александровна – кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета.

практический опыт субъекта действия, переживающего время, может осуществляться только в настоящем [1. С. 143]. Решающая же роль в создании будущего и прошлого принадлежит восприятию в процессе практики характера происходящих изменений. Восприятие их как улучшения дает перспективу, рождает оптимизм и помогает переносить тяжелое настоящее. Осознание ухудшения приводит к идеализации прошлого [1. С. 143].

А.А. Давыдов предпринял попытку рассмотреть некоторые модели и свойства социального времени на эмпирическом уровне. Автор провел серию специфических эмпирических исследований. Во-первых были проанализированы ответы 486 респондентов, репрезентирующих по полу, возрасту и социальному положению молодежь Волгоградской области. Опрошенные оценили свою удовлетворенность жизнью год назад в настоящий момент и предполагаемую удовлетворенность через год с помощью 9-членной шкалы, где цифра 1 обозначала «совсем не удовлетворен, а цифра 9 – «вполне удовлетворен». Полученные результаты показывают, что социальное время в оценках данных респондентов «течет» от будущего через настоящее к прошлому, т.е. направленность социального времени обратна. Причем доминирующую роль во взаимодействии прошлого, настоящего и будущего принадлежит будущему [3. С. 99].

Во втором исследовании Давыдов использовал ежемесячную динамику социального неблагополучия субъекта РФ за 1994-1995 гг. по специально разработанному индексу, в состав которого входят объективные статистические показатели. В качестве «настоящего» использовался один из месяцев. Для выявления наиболее информативных для прогноза месяцев использовалась множественная пошаговая линейная регрессия. Оценка модели осуществлялась по критерию R – квадрат. Полученные результаты свидетельствуют, что социальное время в динамике социального неблагополучия субъектов РФ является прерывистым и не обладает в полной мере необратимостью.

Б. Дубин в статье «Конец века» [4] исследует представления жителей России об уходящем XX столетии, выявляет символическую конструкцию прошлого респондентов. Здесь автор использует материал массовых репрезентативных опросов ВЦИОМ, проведенных в 1999 – 2000 гг. Отдельные их результаты ранее публиковались в информационном блоке «Мониторинга общественного мнения». В данной статье они обобщены [4. С. 13]. Здесь также Б. Дубин подчеркивает, что координаты будущего, семантика начала или альтернативы в нынешних оценках, в 1999 г., отсутствует либо ушла в тень, зато главной стала ностальгическая составляющая [4. С. 15].

Опросы последних лет и особенно последнего года, посвященные представлениям жителей России об уходящем XX столетии, выявляют несколько моментов в массовом сознании, структурах коллективной идентификации россиян. Среди них: преобладающая негативная оценка XX в. и человеческих качеств людей, живущих в XX в., по сравнению с предыдущими столетиями; сосредоточенность коллективного образа прошлого, с одной стороны, на моментах общей

беды, совместного испытания, прежде всего войны, с другой – на символике прежнего советского и нынешнего российского государства как «великой державы», с третьей – на символах исключительно технических открытий, а в социальном плане – на достижении государством прежде всего уравнилельно-популистских целей.

Любые представления о прошлом, истории, ее фазах и отрезках (включая последнее столетие) связаны с характером конкретного общества, его групповым составом и институциональной структурой, господствующим или господствующими в нем типами человека, самопониманием этого последнего. В частности, для коллективной памяти о прошедшем – но сначала, для того, чтобы совершились события, которые стоило бы помнить, – необходимы определенные самостоятельные группы или группа деятельных и авторитетных людей, которая считает это прошлое своим не потому, что оно в него «вляпалось» или ему его «навязали» («оккупировали» и пр.), а потому, что она, наряду с другими, действительно участвовала в его осуществлении, выбирала те, а не иные действия, инициировала те, а не иные события, а потому понимает их смысл, готова его отстаивать или – если решит, что это необходимо – корректировать, но в любом случае способна за этот смысл отвечать [4. С. 18].

В другой своей статье «Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен» [5] Борис Дубин говорил, что при анализе массовых оценок социальной жизни, тем более для прослеживания их динамики, особое значение имеет исследование мнений людей по поводу тех проблем или показателей, которые требуют от индивида эксплицитного сравнения по оси времени на ту или иную его «глубину» и в самой формулировке которых содержатся хронологические меры, символика и семантика изменений. Исследование «Российский человек в конце 90-х» («Советский человек-3») включало в себя ряд таких вопросов, в которых нынешнее материальное и общественное положение респондента сопоставлялось с его ближайшим прошлым и будущим, с соответствующим положением родителей, выявлялись оценки респондентом разных периодов отечественной истории XX в., в том числе последнего десятилетия. В самом общем смысле речь здесь идет о субъективной стороне социального и культурного времени [5. С. 16].

В выводах Б. Дубин подчеркивал, что изменения последнего десятилетия (исследование осуществлялось в 1999 г.) – в возможностях социального достижения, уровне «нормального» повседневного существования и условиях, обеспечивающих его воспроизводство, включая сумму собственных усилий, – на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностно-нормативном строе их социальной жизни, о привычном социальном порядке и механизмах его рутинной репродукции. Если говорить о структуре общества, то изменения в основном были связаны с возрастными признаками молодости. В данном конкретном отношении это отделило «молодежь» (вернее, ее более образованную и активную часть) от остальных и даже бли-

жайших к ней по возрасту групп. Так, спроецированные на ось времени и вынесенные в условное «прошлое» типовые, наиболее распространенные оценки себя и окружающих дали ретроспективную, ностальгическую переоценку определенных сторон советского и доперестроечного социального устройства и жизненного уклада.

Автор предполагает, что для большинства россиян меняется в последние годы сама привычная конструкция социальной жизни.

Деформируется, стирается та привычная, всегда подвижная, но бывшая обычно вполне ясной для всех участников действия граница между «своим» и «чужим», «официальным» и «домашним», «ими» и «нами», которая охранялась с обеих «сторон», поскольку она поддерживала всю базовую систему, заданную ролевою структурой их взаимодействия, двусмысленное господство одних, «правящих», и видимую зависимость других, «подопечных».

Автор подчеркивает, что у большинства опрошенных присутствовало ощущение дискомфорта и брошенности, страх заставляет массовое сознание переключаться на ностальгические, компенсаторные проекции в идеализированное прошлое. Еще болезненнее для большинства эти процессы делает то обстоятельство, что принудительность существования в социальных условиях и эмоциональной среде, ощущаемых как дискомфортные, в данном случае обеспечивается не привычным по советским временам давлением институтов, так или иначе поддержанных идеологической легендой, которая их до какой-то степени легитимизировала, смягчала и приукрашивала [5. С. 23-24].

К. Муздыбаев изучает временную перспективу, временную ориентацию и аттитуды к прошлому, настоящему и будущему в условиях экономического кризиса [6]. Выборка 700 человек из 7 социальных групп приблизительно по 100 человек в каждой: 1) рабочие, 2) служащие бюджетных организаций, 3) служащие частного сектора, 4) руководители учреждений, 6) студенты, 7) пенсионеры. Обследование проводилось в ноябре-декабре 1997 г. в Санкт-Петербурге. Для выявления временной перспективы, временной ориентации, индикаторов жизненных перемен и общей оценки жизни была создана анкета. Для измерения аттитудов респондентов к настоящему и будущему автором адаптирована «Шкала аттитудов ко времени». Чтобы выявить стратегию совладения с материальными трудностями, была разработана специальная шкала из 40 вопросов. Для решения задач, сформулированных в рамках данной работы, использовались 5 методик.

1. Тест жизненной ориентации Шейера и Карвера, адаптированный Муздыбаевым для этого исследования и иначе называемый шкалой оптимизма.

2. Шкала диспозиционной надежды Снайдера, предназначенной для выявления обобщенно ожидания личностью достижения цели.

3. Шкала локуса контроля Роттера, адаптированная автором в 1979 г.

4. Шкала эгоизма, нацеленная на выявление склонности личности игнорировать чувства, интересы и благополучие других людей ради достижения своих

целей, а также ее готовность нарушить установленные правила, использовать других или даже наносить им вред с целью осуществить свои желания.

5. Шкала самоуважения, определяющая позитивность или негативность atti-тудов по отношению к себе. Для измерения самоуважения личности из методики Розенберга (1965) были взяты три вопроса [6. С. 11].

В статье были выявлены следующие выводы: у большей части респондентов временная перспектива сильно сокращена или не определена; значительное количество опрошенных испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлые и неопределенность временной ориентации); настоящее время оценивается как исключительно негативный процесс, а прошлое – как позитивный. Оптимизм, диспозиционная надежда, интернальный locus контроля, высокое самоуважение значимо влияют на дальность временной перспективы и выбор ориентаций на настоящее и будущее. Ориентированные на настоящее (в большей мере и на будущее) преимущественно выбирают эффективные виды стратегии совладания с материальными трудностями: личностную адаптацию, рациональную когнитивную и рациональную поведенческую стратегию. Респонденты, ориентированные на прошлое, наоборот, выбирают неэффективные, пассивные формы стратегии [6. С. 5].

Более современные исследования были сделаны А.С. Готлиб [2], Г.Е. Зборовским [7], В.П. Горяиновым [8] и т.д.

А.С. Готлиб [2] описала исследование переживания времени, которое проводилось в 2003-2004 годах в Самаре под ее руководством. В качестве основного метода сбора информации использовалась стратегия «история жизни» с нарративным интервью. Объектом исследования выступали три поколенческие группы: дети, родители, прапородители.

Анализ транскриптов нарративного интервью показал, что самый распространенный критерий структурирования времени своей жизни опрошенными жителями области – это индивидуально значимые события [2.С.405]. По мнению автора такое членение времени свидетельствует о том, что «границы выделенных «курсов жизни» означают для опрошенных определенное жизненное изменение, наделяются смыслом определенных переломных вех их жизни» [2. С. 406]. А.С. Готлиб так же говорит и об уникальных критериях, которые свойственны индивидуальному времени определенных людей. Эти категории как правило не повторяются (например, деление жизни на периоды «до смерти мужа» и «после» [2.С.406].

Анализ транскриптов интервью обнаруживает презентизм как распространенное мироощущение опрошенных людей в прошедшем, настоящем и будущем [2. С. 409]. Презентизм группы прапородителей представлен тремя его видами: «аномическим» (вызван резким содержательным изменением социальных институтов постсоветской России, в которой были социализированы люди, и, как следствие, утратой идентификации, значимой в масштабах всего российского общества), «старческим» (осознание ограниченности своих физиологических

ресурсов, осознание себя в качестве «стариков» и вследствие прекращения своего жизнестроительства) и «экзистенциальным» (вызван осознанием конечности человеческой жизни). Эти виды тесно связаны между собой [2. С. 409, 410]. В группе родителей презентизм присутствует, но в гораздо меньших масштабах: половина опрошенных строит планы на будущее [2. С. 410]. Автор отмечает, что для поколения детей «характерны две ориентации: аномический презентизм и направленность на настоящее, в котором укреплено будущее [2. С. 412].

Также А.С. Готлиб был исследован феномен социальной ностальгии. Выявилось: в социальных группах опрошенных (исключение составляет молодежь) распространены «отдельные ностальгические ноты» восприятия прошлого. В группе неработающих пенсионеров люди не живут настоящим, а просто мирятся с ним.

Г.Е. Зборовский в статье «Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема» [7] тоже обращает внимание на социальную ностальгию. Автор отмечает: «В процессе социального сравнения было установлено, что социальную ностальгию по ушедшим временам пока ничто не сможет достойно заменить. Социальная память, являющаяся ее основой, «вычеркивает» из своего глубинного слоя социальные бедствия, катастрофы, лишения, несчастья прошлого. В то же время она питает социальную ностальгию современного общества, значительная часть населения которого продолжает испытывать воздействия аномальных явлений и процессов, так и не освоив новые нормы и ценности. Поэтому социальные сравнения, к которым обращаются люди в рамках их повседневного бытия и обыденного сознания, часто наполнены скорее пессимизмом, чем уверенностью в завтрашнем дне» [7. С. 17].

В статье В.П. Горяинова «Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени» [8] операционализируется понятие социального времени с помощью количественных критериев его поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости. Проверяется рабочая гипотеза о том, что разные общества параллельно живут в разном социальном времени, которое отличается от времени природного (физического и астрономического). Выявляется качественная специфика социального времени: оно «субъективно, оценочно, даже идеологично, ибо во многом зависит от восприятия действующими в нем субъектами» [8. С. 4]. Исследование проводилось по технологии структурно-фазового анализа (СФА). В эмпирической части статьи автор попытался выявить группы отношений респондентов к той жизни, которую они ведут, а также (по знаку и значению углового коэффициента регрессии) установить направление и темп изменений социального времени.

Попытка с помощью СФА эмпирически изучить качество социального времени по численным характеристикам темпа изменений групп отношений респондентов к жизни, которую они ведут, показала, что темп увеличения численности положительно устроенных в жизни респондентов свидетельствует о по-

ступательности социального времени в обществе, в котором это происходит [8. С. 13].

Автор подчеркивает, что темп увеличения численности отрицательно устроенных в жизни респондентов свидетельствует о реверсивности (возвратности) социального времени в обществе, о возврате части респондентов к некоему прошлому положению, а с ним и к прошлому состоянию общества. При определенных негативных условиях возврат может осуществляться к состоянию гораздо хуже прошлого, если респонденты начинают проводить социальное сравнение своего состояния по контрасту с относительно положительно устроенными в жизни людьми. Из этого ясно, что различные слои общества живут в разном социальном времени. Но бывают продолжительные фазы, в которые разные слои общества живут в одном социальном времени, прогрессивном или регрессивном.

Выявилась очень слабая поступательность, близкая к стагнации социального времени у разных групп общества, а у тех, кого социальное время «совершенно не устраивает», это время имеет яркое регрессивное, возвратное качество [8. С. 14].

Все, что я проанализировала, в основном касается объективистского подхода ко времени. Большинство исследователей, чьи работы были мною изучены, не рассматривают переживание времени как описание, прежде всего мира смыслов, «которыми индивидуальное сознание наделяет то или иное событие во всей его (мира) уникальности» [2. С. 403]. Об этом (переживание времени как описание мира смыслов) говорит феноменологический подход, в рамках которого будет проведено мое исследование, содержащее следующие задачи: 1) выявить типологию презентизма; 2) исследовать ностальгию как социальный феномен; 3) описать критерии структурирования времени, выделения прошлого, настоящего и будущего так, как они представлены в повседневном сознании информантов; 4) описать взаимоотношение прошлого, настоящего и будущего, приоритетность того или иного времени в сознании выделенных поколенческих групп.

Библиографический список

1. Попова, И.М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени / И.М. Попова // Социологические исследования. – 1999. – № 10. – С. 135-144.
2. Готлиб, А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А.С. Готлиб. – Самара: Универс-групп, 2004. – 448 с.
3. Давыдов, А.А. Модель социального времени / А.А. Давыдов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 98-101.
4. Дубин, Б.В. Конец века / Б.Е. Дубин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 4(48). – С. 13-18.
5. Дубин, Б.В. Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен / Б.В. Дубин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 3(41). – С. 16-24.

6. Муздыбаев, К. Переживание времени в период кризисов / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4-5. – С. 5-21.
7. Зборовский, Г.Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема / Г.Е. Зборовский // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 13-23.
8. Горяинов, В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени / В.П. Горяинов // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 3-16.

Статья принята в печать в окончательном варианте 24.08.2007 г.

M.A. Petrova

ANALYSIS OF THE EMPIRICAL TIME STUDY IN SOCIOLOGY

In the paper the empirical investigations regarding the time phenomenon is considered. It describes an experience of the empirical time study in sociology: it reveals the methods of its study and it represents the main results of the investigations and the perspectives of the further consideration of this phenomenon.